

УДК 81'38
ББК 81.2-5

Л.П. Кочетова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ ГЛАЗАМИ ЧИТАТЕЛЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевая позиция, которую занимает образ персонажа в рамках текста, во многом объясняется тем, что он является связующим звеном на текстопорождающей оси «автор – читатель». Предпосылки лингвистической организации художественного текста как межличностной структуры связаны как с психологическим типом личности читателя, так и с его социально-культурным тезаурусом. Поскольку все эти предпосылки неявно заложены в программу строения текста, прагматическая и когнитивная теория призвана, соответственно, учитывать не только лингвистический, но и психологический и социокультурный аспекты исследования, стремясь выявить их текстовых проводников. Персонаж выступает проводником того внутреннего ценностного кода, который заложен в текст, должен быть выявлен читателем с опорой на предварительные знания об объективной действительности и реальных индивидах.

Ключевые слова: образ персонажа, читатель, автор, реальный индивид, умозаключение.

Кочетова Людмила Павловна – соискатель кафедры русского языка и теории языка факультета лингвистики и словесности Южного федерального университета
Тел.: 8(86353) 22077
E-mail: igalk@rambler.ru

В современной лингвистике активно обсуждается вопрос о взаимоотношении между ипостасями литературного персонажа и реального человека, действующего в реальной ситуации общения [Щебетенко]. При этом в текущих исследованиях актуализуется фактор адресата художественного текста, роль читательских общих знаний о мире и ожиданий в интерпретации и понимании данной категории [Ковылкин; Эко]. Интерес к категории персонажа, ее онтологическим признакам, организующим элементам, видам текстовой информации, передаваемым данной категорией, в последние годы заметно возрастает. Указанная тенденция является вполне закономерной, если учесть ориентацию лингвистических исследований на синтезирующие характеристики, ибо анализ осуществляется ради синтеза, обобщений, вытекающих из конкретных результатов этого анализа, с учетом диалектики развития, динамики речевой деятельности и языковой системы.

Критические лингвистические теории интерпретируют категорию литературного персонажа как психологический и – шире – когнитивный – аналог реального человека: как и реальный человек, персонаж обладает мотивами и установками, бессознательными импульсами, определяющими его речевое / неречевое поведение [Гончарова]. С точки зрения подобного допущения, читатель призван восполнить информацию, «отсутствующую» в художественном тексте, воссоздать связный и убедительный образ персонажа

на основе собственных знаний об объективном мире и человеческой психологии. Персонаж – это элемент художественной формы, специфическим образом кодирующей заложенную в текст информацию в расчете на ее субъективное домысливание читателем. Основным уровнем указанной художественной формы, на которой происходит становление категории персонажа, является подтекст, где находится наиболее значимая часть ее семантики, намеренно скрытая автором от ее непосредственного, пассивного восприятия.

Полагаем, что особое внимание при определении читательской интерпретации образа персонажа следует уделять синтаксической архитектонике художественного текста. Синтаксические модели и структуры, актуализуемые автором для характеристики персонажа, в большей степени, чем, например, лексическая система текста, пропускаются через читательское когнитивное сознание, объективно характеризуют не только авторскую индивидуальность, но и свойства личности персонажа.

Современные лингвистические теории рассматривают персонажа также как совокупность текстовых знаков [Fisch]. Исследовательское внимание сосредотачивается на тех характеристиках художественного текста, которые обеспечивают адекватную информацию о том или ином персонаже. В частности, Кэтерин Эммотт в своем исследовании «Понимание повествования» (1997) посвятила отдельную главу ментальному моделированию читателем репрезентаций персонажа. К. Эммотт приходит к заключению, что для данной точки постижения художественного дискурса актуальным оказывается только некоторое подмножество общей информации о персонаже; сущностная репрезентация персонажа в когнитивном сознании читателя определяется пересекающимися подмножествами информации, которые актуализуются в разные моменты развития повествования [Emmott, p. 81]. Признается, что ипостась смысла («означаемого») персонажа оказывается доступной через системный анализ реконструкции образа читателя как имманентного конструкта художественного текста [Богин]. Адекватное понимание образа персонажа, другими словами, зависит от объема предварительных читательских знаний об объективном мире.

Авторские умозаключения, восстановление которых необходимо для когнитивного распознавания персонажа, могут быть сформированы в сознании читателя только путем установления референций на объекты реальной действительности. В процессе восприятия авторского произведения воображаемый персонаж одновременно конфигурируется речевой составляющей художественного текста и воспроизводится в когнитивном сознании читателя, который интерпретирует персонажа в терминах моделей реального мира. Руководствуясь данной концептуальной установкой, одни исследователи концентрируются на основных различиях между литературными персонажами и реальными людьми, другие фокусируют внимание на их сходстве, делая теоретические заключения о том, как сходства и различия между персонажем и реаль-

ным человеком воздействуют на процесс читательской интерпретации художественного текста, априорно спроектированный автором.

В частности, У. Марголин подчеркивает фундаментальное различие между «воображаемыми» и реальными людьми. Ядерный элемент обсуждаемого различия заключается, по мысли исследователя, в том, что литературные персонажи являются «онтологически плоскими», незавершенными, схематическими по своей когнитивной природе, существующими только как «последовательность разрозненных состояний и речевых проявлений». В связи с этим интерпретация речевого поведения литературных персонажей является более неоднозначной, чем интерпретация реальных людей [Margolin, p. 10 – 11]. Т.Г. Павел, придерживаясь обратного мнения, отрицает тот факт, что персонажи могут быть сведены только к совокупности определенных дескрипций. Интерпретируя образ персонажа, читатель априорно рассматривает этот образ как проявление некоторой психологической индивидуальности [Pavel, p. 36]. Думается, что указанная выше дискуссия предопределяет актуальность вопроса о важности экстратекстуальных знаний, релевантных для читательской реконструкции образа персонажа (как знания о реальной действительности используются реальными читателями в целях интерпретации воображаемых персонажей). Например, У. Марголин подчеркивает важность читательских умозаключений в процессе интерпретации образа персонажа, однако описывает умозаключения персонажа как деятельность, подчиненную определенным правилам и регулируемую этими правилами [Margolin].

У. Марголин указывает также на важность читательских умозаключений в процессе восстановления информации, не репрезентированную текстом. Характеристики текста обеспечивают только схематическое представление образа персонажа, читатель заполняет «информационные лакуны» посредством процедур умозаключения. Исследовательский подход, которого придерживается У. Марголин, можно определить как «текстуально ориентированная теория персонажа». В связи с этим, его концептуализация процесса умозаключений затрагивает только те процессы, которые ограничиваются текстуальными и литературными конвенциями. Целостный процесс читательского осознания художественного текста исследователь не рассматривает. Этот процесс – как и природа читательского конструирования литературных персонажей – предполагает эмпирическое исследование когнитивных процессов, активируемых в сознании читателя в момент постижения текста.

У. Марголин утверждает, что литературный персонаж – с логической точки зрения, когнитивной перспективы повествования – не может рассматриваться как реальный человек. Если мы проанализируем, как реальные люди в действительности воспринимают и интерпретируют других людей, то различие между реальным человеком и персонажем окажется менее очевидным. Отдельно взятый индивид не может быть известен другому индивиду во всей тотальности своего психологическо-

го проявления, поскольку доступная информация о «Другом» является отрывочной, схематичной и далеко не полной [Margolin, p. 15].

В сходном исследовательском ключе трактует рассматриваемую проблему и С. Фиш, который утверждает, что мы не можем знать реальных людей настолько хорошо, насколько мы знаем определенного персонажа из определенного художественного произведения [Fish]. Несмотря на тот факт, что реальный человек в онтологическом отношении предстает более совершенным, чем персонаж литературного произведения, до конца мы не имеем возможности познать реального индивида. Хотя персонажи являются более схематичными в своем психологическом проявлении, чем реальный индивид, у читателя (под воздействием коммуникативной установки автора) складывается впечатление, что он знает персонажа лучше, чем отдельно взятого человека, и что персонаж характеризуется большей целостностью и последовательностью.

Мы придерживаемся точки зрения, что литературный персонаж и реальный индивид четко различаются в онтологическом плане. Однако интерпретация их личности «со стороны» реализуется аналогичным образом. Другими словами, интерпретация образа литературного персонажа осуществляется читателем таким образом, если бы это был реальный человек. Закономерным оказывается и обратное: реальный индивид воспринимается в терминах, аналогичных тем категориям, которые актуализуются в когнитивном сознании в момент интерпретации литературного персонажа.

Мы также полагаем, что реальный индивид интерпретируется, исходя из перспективы тех же кодов, конвенций, стереотипов, клише, которые задействуются в процессе интерпретации литературных персонажей. Анализируя реального индивида, мы руководствуемся теми же знаниями и стереотипными моделями, что и в момент выражения нашей реакции на того или иного персонажа литературного произведения. В некоторых случаях литературные произведения служат источником формирования стереотипов, которые впоследствии применяются к анализу индивидов реального мира.

В процессе когнитивной переработки деятельности как реальных индивидов, так и вымышленных персонажей читатель обращается к своему опыту общения с реальными людьми в реальных ситуациях. Ограничение умозаключений относительно литературного персонажа характеристиками текста при анализе особенностей интерпретации художественного произведения ведет к принижению роли читательских знаний о реальном мире в этом процессе, предполагает существование чисто гипотетического, идеального читателя, который способен декодировать текстовые знаки на запрограммированной основе.

Изыскания в сфере социальной психологии свидетельствуют о том, что с точки зрения человеческого восприятия литературный персонаж и реальный индивид интерпретируются в терминах аналогичных сенсорных стратегий. Читатель активно участвует в конструировании текстуальных миров, в том числе и персонажей. При этом, как указы-

вают когнитивные психологи, занимающиеся проблемами литературы, читатель приписывает успех персонажа героическим чертам его характера, а не конвенциональной природе художественного повествования [Gerring, Allbritton].

Вполне вероятно, что читатель формирует первое впечатление о персонаже посредством его ассимиляции в известные читателю категории. Получая в процессе постижения текста большую информацию о персонаже, читатель реорганизует свое представление о данном персонаже, осуществляет менее стереотипный анализ его вербальной / невербальной деятельности. Р. Дж. Герриг и Д.В. Олбриттон в этой связи пишут, что репрезентация персонажа в когнитивном сознании читателя может быть осуществлена процессом «погружения», в результате которого читатель испытывает события текстуального мира, как будто он сам является субъектом этого мира [Gerrig, Allbritton].

Д.Н. Раап, Р.Дж. Герриг и Д.А. Прентис экспериментально исследовали роль личностных свойств персонажа в понимании и предсказании событий художественного повествования. В результате эксперимента было установлено, что читатель приписывает определенные черты характера персонажу на основе поведения персонажа, разворачиваемого в рамках текстуального мира, как если бы персонаж был реальным индивидом в реальном мире [Raap, Gerrig, Prentice]. То, что персонаж говорит и как он поступает в той или иной ситуации, обеспечивает информацию для читательской характеристики персонажа. Мы признаем, что процессы умозаключения, осуществляемые читателем, в данном аспекте исследования оказываются аналогичными тем, которые применяются в целях интерпретации реального индивида.

В частности, читатель обладает априорными знаниями относительно того, какие черты характера ассоциируются с тем или иным вербальным / невербальным поведением. Подобная пресуппозиция задействуется для выяснения личностных характеристик персонажа на основе его действий. Важно подчеркнуть, что сами действия, взятые изолированно, не обладают смыслом, они могут получать адекватную читательскую интерпретацию только в условиях контекста повествования. Данное положение, в свою очередь, порождает неоднозначность в идентификации характеристик художественного текста, поскольку моделируемая автором ситуация в равной степени предполагает сотворчество со стороны читателя.

В процессе постижения текста читатель признает, что он сталкивается не с вымышленными персонажами, а с реальными людьми из реального мира, прилагает определенные когнитивные усилия, чтобы заполнить схематические лакуны для воспроизведения конструктов, свойственных реальному индивиду. Читатель не всегда оказывается в состоянии произвести дифференциацию того, что действительно сказано о персонаже в тексте, а что было им самим домыслено о персонаже. Исследователи утверждают, что читатель фактически не в состоянии удержать в рабочей памяти все проявления личностных свойств и ре-

чевой / неречевой активности, ассоциируемых с определенным персонажем. В памяти удерживаются лишь некоторые из этих проявлений, которые организуются в связный образ персонажа [Emmott]. Читатель априорно обладает наивной теорией личности, согласно которой личность «Другого» может быть описана с помощью набора черт характера (дружелюбный, мрачный, общительный и т.д.). В связи с этим читатель ожидает, что персонаж наделяется некоторыми чертами характера в зависимости от своего поведения в разнообразных ситуациях, моделируемых автором художественного текста.

Таким образом, результирующая информация о персонаже, которую «добывает» читатель в результате постижения художественного текста, является итогом декодирования авторских смыслов, собственных представлений о персонаже, которые формируются в результате тех же самых интерпретативных процессов, используемых в отношении реальных индивидов. Сущностные характеристики персонажа актуализуются в когнитивном сознании читателя в результате анализа его речевых / неречевых действий, оценок со стороны повествователя и других персонажей. Данные действия и оценки интерпретируются читателем с основой на предварительные знания и опыт, которые оказываются важным фактором идентификации личностных свойств персонажа.

Литература

- Богин Г.И. Схемы действия читателя при понимании текста. Калинин, 1989.
- Гончарова Е.А. Пути лингвистического выражения категории автор – персонаж в художественном тексте. Томск, 1984.
- Ковылкин А.Н. Читатель как теоретико-литературная проблема: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Щебетенко С.А. Я-концепция, эмпатия и психологическая близость в отношениях читателя к литературным персонажам: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2004.
- Эко У. Роль читателя. СПб., 2005.
- Emmott C. Narrative Comprehension: A Discourse Perspective. Oxford, 1997.
- Fisch H. Character as Linguistic Sign // New Literary History. 1990. № 21.
- Fish S. Literature in the Reader: Affective Stylistics // New Literary History. 1970. № 2.
- Gerrig R. J., Allbritton D. W. The Construction of Literary Character: A View from Cognitive Psychology // Style. 1990. № 24.
- Margolin U. Structuralist Approaches to Character in Narrative: The State of the Art // Semiotica. 1989. № 75 (1/2).
- Pavel T. G. Fictional Worlds. Cambridge, MA, 1986.
- Raap D. N., Gerrig R. J., Prentice D. A. Readers' Trait-based Models of Characters in Narrative Comprehension // Journal of Memory and Language. 2001. № 45.